

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

№ 4004

№ 0322913.

При ответе ссылаться на наш № и дату

7 ОТДЕЛ
Вх. № 2919
11 " IX 1944 г.
ГЛАВ. ПУРКА

Секретное отделение
11 " IX 1944 г.
Вход № 13750
Гл. Полит. Упр. ПУРКА

6 сентября 1944 г.

СЕКРЕТНО.

экз. № 1

РАССЕКРЕЧЕНО

Начальнику 3 Управления ГлавПУРКА
Полковнику тов. БУРЦЕВУ.

Представляю сводку № 96 от 6 сентября 1944 года
"О ПОЛОЖЕНИИ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН".

Приложение: Упомянутое на 4-х листах,
только адресату.

Начальник УП Отдела ПУЛФ
Инженер-подполковник
/ Подкаминер /

Отп. 2 экз.
№ 45 - Е.Ш.

В 9 ч
21/IX-44

257

РАССЕКРЕЧЕНО

С В О Д К А № 96

6 сентября 1944 года

О ПОЛОЖЕНИИ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН.

Представляю сведения о положении эстонских крестьян, составленные на основании тематического опроса военно-пленных-эстонцев солдата ВЕЕРМАА, Л.Я. из I эстонского пограничного полка СС, капрала ТУУСК, А.М. из учебного батальона 20 эстонской дивизии СС и мл. серж. ЦЕРТ, О.К. из штабной роты 6 эстонского пограничного полка СС.

После оккупации Эстонии немцы объявили всю землю эстонских крестьян собственностью германского государства.

Об этом показывает военнопленный ТУУСК:

"Во все время оккупации немцы не переставали твердить эстонским крестьянам, что земля находится только в их временном пользовании и что только те крестьяне, которые во время войны регулярно будут выполнять и перевыполнять нормы поставок, а также и другие обязательства по отношению к немецкому государству, получат землю после войны в свою собственность. Только лишь отдельные крестьяне, фактически насчитывавшиеся единицами, получили уже во время войны землю в собственное владение. При этом обычно преимущество предоставлялось тем крестьянам, которые, помимо выполнения норм, были еще известны, как политические сторонники немцев и сыновья которых добровольно ушли в германскую армию. Так, например, немцы вернули в деревне Тобере усадьбу крестьянину Харальду Тохтеру, земельный надел которого насчитывал 30 га, а сын которого уже в самом начале войны добровольцем ушел в немецкую армию. Немцы вернули землю также кулаку Михкелю КАЛЬДА в дер. Нимисте, который имел 40 га земли, занимал несколько рабочих и сын которого также ушел в германскую армию добровольцем. Немцы обставляли это, так наз., возвращение усадеб отдельным крестьянам большой pompой. Вышеназванные крестьяне, получившие от немцев землю, были вызваны в гор. Парну в народный театр "Эидла", где было устроено торжественное собрание, на котором присутствовали все старосты волостных управлений и сельско-хозяйственные руководители. Немец, участковый комиссар ВОННЕ, передал каждому крестьянину акт на владение усадьбой и пожал ему руку. После торжественного собрания состоялся банкет с обильным угощением и выпивкой. Об актах передачи земли, кроме того, писалось во всех газетах в течение нескольких дней".

они у получивших при советской власти землю крестьян немцы отобрали землю. Об этом показывают военнопленные ТУХТУР и ПЕРМАА:

"Те крестьяне, которые по приказу генерального комиссара Лицмана были лишены земли, которую они получили в год советской власти, вообще сгонялись с земли, либо продолжали ее обрабатывать, но уже в качестве арендаторов, так наз., законных владельцев земли. Этих последних, однако, было ничтожное меньшинство. В большинстве случаев земля возвращалась тем крестьянам, от которых она была отнята по аграрной реформе 1940 года. Так, например, получивший во время советской власти землю гончар Николай ПИШЕНДИК должен был вернуть землю и вновь стал гончаром. При советской власти землю получил и крестьянин ТУХТУР. Он умер в 1941 году. После него осталась старая жена, у которой, несмотря на ее протесты, немцы отняли землю. Бывший строительный рабочий Яков ИМЗИ получил также землю при советской власти. И у него отняли немцы землю, и Имзи пошел работать волостным почтальоном.

Озимые хлеба получивших при советской власти землю крестьян были возвращены в полном размере бывшим владельцам земли, на земле которых они были посеяны. По словам в/пленного, точно также поступили и с яровыми".

Немцы уже в 1942 г. ввели т.н. "поземельные книги", в которых была расписана вся собственность крестьян и были внесены обязательные нормы поставок. Таким образом, если в конце 1941 г. грабеж эстонских крестьян носил еще не "узаконенный" характер, то в 1942 г. немцы создали уже целую систему грабежа.

Об этом показывает военнопленный ПЕРТ:

"В 1942 году немцы ввели во всех усадьбах так наз. "поземельные книги". В "поземельные книги" заносились: имя, название усадьбы и ее номер, земельная площадь /пахота, лес, сенокос, луга, непригодная земля/, величина пахоты по отдельным сельскохозяйственным культурам /рожь, пшеница, ячмень, овес, картофель, лен и т.д. и обязательные нормы сдачи, а, кроме того, количество голов скота /рогатый скот, свиньи, овцы/, лошади, домашняя птица/. В "поземельной книге" обозначалось так же количество людей, живущих в данной усадьбе.

Данные об отдельных усадьбах были получены на основании материалов сельскохозяйственной переписи. Два раза в год производился учет коров и лошадей /в декабре и июне/ и 4 раза в год свиней /декабрь, март, июнь, сентябрь. В июне же производился учет посеянных сельскохозяйственных культур. На основании полученных данных заполнялись соответствующие графы "поземельной книги".

Сельскохозяйственный учет производился либо окружными сельскохозяйственными руководителями, либо деревенскими старостами или же специально назначенными для этой цели лицами. Об этой последней категории лиц можно с уверенностью сказать, что они всегда, за редкими исключениями, старались ограждать интересы крестьян".

Об этом же показывает и военнопленный ТУЙСК:

"Крестьяне были предупреждены, чтобы они давали правдивые данные, угрожая в противном случае при позднейшем контроле наказаниями и штрафами. Однако, каждый крестьянин пытался несколько занижить данные о своей усадьбе. В особенности часто преуменьшались данные о поголовьи свиней и овец, а также иногда и коров. При этом проявлялась известная солидарность крестьян: Несмотря на то, что соседи обычно знали о представлении немецким властям заведомо заниженных сведений, случаи доноса были редкими.

В волости ТОРИ члены волостного управления, в особенности уполномоченные скотоводов и волостные сельскохозяйственные руководители, старались ограждать интересы крестьян. Представитель скотоводов даже сам учил многих крестьян, как надо скрывать поголовье скота.

Новые поземельные книги были выданы крестьянам в 1943 году осенью. Они были обобщенные и детальнее предыдущих и были составлены из расчета на долгие годы".

Сельско-хозяйственные органы при немцах имели следующую структуру: в уездах были созданы уездные земельные отделы, подчинявшиеся немецкому участковому комиссару. В волостях назначались сельскохозяйственные руководители волости, которые, в свою очередь, совместно с волостным управлением, назначали окружных сельскохозяйственных руководителей из расчета на каждые 25-35 крестьянских дворов один окружной сельскохозяйственный руководитель. Таким образом, немцы охватывали своим влиянием любой эстонский хутор и являлись, по-существу, полными хозяевами над эстонской деревней.

Об этом военнопленный ПЕРТ показал следующее:

"Земельные уездные отделы непосредственно подчинялись немецкому участковому комиссару, каковым в уезде Пярнумаа был немец БОММЕ и его заместителем по сельскохозяйственным вопросам также немец ДАНАШКЕ.

Окружные сельскохозяйственные руководители назначались обычно из состава самих крестьян. Большинство из них принадлежало к зажиточному классу крестьян, но попадались и отдельные крестьяне-середняки. Однако, обязательным было для окружного сельскохозяйственного руководителя наличие собственного хутора или усадьбы, которые должны были находиться в хорошем состоянии.

Кроме волостных и окружных с.х. руководителей, в каждой деревне назначался деревенский староста. Свое его полномочий был один месяц. Обычно деревенские старосты назначались из среды зажиточных крестьян. По прошествии одного месяца назначался новый крестьянин. Таким образом, почти все крестьяне данной деревни по-очередности были старостами. Безземельных крестьян, ремесленников, а тем более, батраков, деревенскими старостами не назначали".

Кроме сельскохозяйственных руководителей в волости был также представитель "общества мясного экспорта". Последний определял нормы поставки мяса и контролировал их выполнение этих норм.

Нормы поставок были чрезвычайно высоки. Военнопленный ВЕРМАХ, проживавший в волости Койо в селении Рутинере, имел усадьбу в 20 га, из коих 8 га были под пашотой, 5 га сенокоса, 5 га лугов и 2 га негодной земли. Исходя из величины земельного надела, нормы поставок 1944 года были определены следующим образом:

По зерновым культурам	-	1.300 кг.	
по картофелю	-	1.400 "	
по мясу /крупное/	-	125 "	
по мясу /свиное/	-	75 "	
по маслу	-	60 "	с коровы
по шерсти	-	1 "	с овцы.

По согласованию с местными властями было возможно заменять в отдельных случаях одни нормы другими. Так, например, можно было вместо зерна ввести нормы животного мяса из расчета: 1 кг. мяса за 3,5 кг. зерна.

В случаях неуплаты норм немцы прибегали к разного рода наказаниям и штрафам. Военнопленный ВЕРМАХ поясняет следующее:

"В случае, если крестьяне не выполняли норм по поставке масла больше, чем наполовину, у крестьянина забиралась корова в счет уплаты недоимки. При задолженности меньше 50% определялся штраф 100 марок и больше. Аналогично власти поступали в случае невыполнения мясных норм - забиралась корова или свинья.

В случае невыполнения поставок по зерновым или по картофелю - власти посылали обыкновенно сельского старосту или окружного с.х. руководителя, чтобы установить, можно ли с данного двора получить недоимку или же надо прибегнуть к штрафу.

В случае систематического невыполнения норм на место посылались комиссия в составе трех лиц, во главе с местным сельскохозяйственным руководителем. Однако, зачастую в составе комиссии были и представители уездных сельскохозяйственных властей. В этом последнем случае обычно посылались немцы.

Сельскохозяйственный учет производился либо окружными сельскохозяйственными руководителями, либо деревенскими старостами или же специально назначенными для этой цели лицами. Об этой последней категории лиц можно с уверенностью сказать, что они всегда, за редкими исключениями, старались ограждать интересы крестьян".

Об этом же показывает и военнопленный ТУСК:

"Крестьяне были предупреждены, чтобы они давали правдиво данные, угрожая в противном случае при позднейшем контроле наказаниями и штрафами. Однако, каждый крестьянин пытался несколько завысить данные о своей усадьбе. В особенности часто преуменьшались данные о поголовьи свиней и овец, а также иногда и коров. При этом проявлялась известная солидарность крестьян: Несмотря на то, что соседи обычно знали о представлении немецким властям заведомо заниженных сведений, случаи доноса были редкими.

В волости ТУРИ члены волостного управления, в особенности уполномоченные скотоводов и волостные сельскохозяйственные руководители, старались ограждать интересы крестьян. Представитель скотоводов даже сам учил многих крестьян, как надо скрывать поголовье скота.

Новые поземельные книги были выданы крестьянам в 1943 году осенью. Они были об"емистнее и детальнее предыдущих и были составлены из расчета на долгие годы".

Сельско-хозяйственные органы при немцах имели следующую структуру: в уездах были созданы уездные земельные отделы, подчинявшиеся немецкому участковому комиссару. В волостях назначались сельскохозяйственные руководители волости, которые, в свою очередь, совместно с волостным управлением, назначали окружных сельскохозяйственных руководителей из расчета на каждые 25-35 крестьянских дворов один окружной сельскохозяйственный руководитель. Таким образом, немцы охватывали своим влиянием любой эстонский хутор и являлись, по-существу, полными хозяевами над эстонской деревней.

Об этом военнопленный ЦЕРТ показал следующее:

"Земельные уездные отделы непосредственно подчинялись немецкому участковому комиссару, каковым в уезде Пярнумаа был немец БОММЕ и его заместителем по сельскохозяйственным вопросам также немец ДАМАКЕ.

Окружные сельскохозяйственные руководители назначались обычно из состава самих крестьян. Большинство из них принадлежало к зажиточному классу крестьян, но попадались и отдельные крестьяне-середняки. Однако, обязательным было для окружного сельскохозяйственного руководителя наличие собственного хутора или усадьбы, которые должны были находиться в хорошем состоянии.

Кроме волостных и окружных с.х. руководителей, в каждой деревне назначался деревенский староста. Срок его полномочий был один месяц. Обычно деревенские старосты назначались из среды зажиточных крестьян. По прошествии одного месяца назначался новый крестьянин. Таким образом, почти все крестьяне данной деревни по-очереди были старостами. Безземельных крестьян, ремесленников, а тем более, батраков, деревенскими старостами не назначали".

Кроме сельскохозяйственных руководителей в волости был также представитель "общества мясного экспорта". Последний определял нормы поставки мяса и контролировал выполнение этих норм.

Нормы поставок были чрезвычайно высоки. Военнопленный ВЕЕРМАА, проживавший в волости Койю в селении Рутиквере, имел усадьбу в 20 га, из коих 8 га были под пахотой, 5 га сенокоса, 5 га лугов и 2 га негодной земли. Исходя из величины земельного надела, нормы поставок 1944 года были определены следующим образом:

По зерновым культурам	-	1.200	кг.	
по картофелю	-	1.400	"	
по мясу /животное/	-	125	"	
по мясу /свиное/	-	75	"	
по маслу	-	60	л	с коровы
по шерсти	-	1	"	с овцы.

По согласованию с местными властями было возможно заменять в отдельных случаях одни нормы другими. Так, например, можно было вместо зерна ввести нормы животным мясом из расчета: 1 кг. мяса за 3,5 кг. зерна.

В случаях неуплаты норм немцы прибегали к разного рода наказаниям и штрафам. Военнопленный ПЕРТ показывает следующее:

"В случае, если крестьяне не выполняли норм по поставке масла больше, чем наполовину, у крестьянина забиралась корова в счет уплаты недоимки. При задолженности меньше 50% определялся штраф 100 марок и больше. Аналогично власти поступали в случае невыполнения мясных норм - отбиралась корова или свинья.

В случае невыполнения поставок по зерновым или по картофелю - власти посылали обыкновенно сельского старосту или окружного с.-х. руководителя, чтобы установить, можно ли с данного двора получить недоимку или же надо прибегнуть к штрафу.

В случае систематического невыполнения норм на место посылались комиссия в составе трех лиц, во главе с местным сельскохозяйственным руководителем. Однако, зачастую в составе комиссии были и представители уездных сельскохозяйственных властей. В этом последнем случае обычно посылались немцы.

Право на покупку предметов первой необходимости выдавало волостное управление только тем крестьянам, которые выполнили нормы сдачи. В случае незначительного невыполнения норм обычно разрешали покупку самых необходимых предметов, как-то: сапоги, туфли, кожу для лапшей, подметки, возжи, обрью и т.д. Однако, как правило, кожаных товаров в торговле почти не было".

В последнее время немцы, убедившись в том, что денежные штрафы мало действенны, т.к. бумажных немецких денег у крестьян довольно много, стали все больше и больше прибегать к уводу скота, а в отдельных случаях и к аресту недоимщика.

Об этом говорит военнопленный ПЕРТ:

"Вначале ограничивались денежными штрафами. Однако, когда немцы убедились в том, что денег у крестьянского населения было много, переменили свою политику. Случай, когда немцы за невыполнение норм уводили скот, стали массовыми".

Однако, немцы действовали не только наказаниями и угрозами. Одновременно они ввели систему т.н. "премиальных пунктов", которые получали те крестьяне, которые выполняли или перевыполняли нормы. Естественно, что эта система "премиальных пунктов" шла на пользу зажиточных и кулацких хозяйств. Середняки, не говоря уже о бедняках, нормы не выполняли, а потому лишались и возможности получения "премиальных пунктов".

Что же можно было получить на премиальные пункты?

Об этом показывает военнопленный ВЕРМАА:

"Получившие "премиальные пункты" крестьяне могли купить либо 0,5 кг. сахара, либо 3 кг. соли, либо 10 гр. сахарина, либо поллитра водки, либо поллитра смеси керосина со спиртом, либо 40 папирос. Иногда на премиальные пункты выдавался топор или пила. Последнее, однако, было чрезвычайно редким. Крестьяне, перевыполнившие нормы сдачи льна и шерсти, получали так наз. "текстильные пункты".

Помимо натурального обложения, крестьяне должны были уплачивать еще и целый ряд денежных налогов. Военнопленный ВЕРМАА показывает:

"Существовал налог с недвижимого имущества. Только по этому виду налога мне приходилось выплачивать в год 54 марки. Так наз., подушный налог был разбит по категориям, исходя из состоятельности и доходов данного лица, но не свыше 20 марок в год. Мне пришлось в 1943 г. уплатить немецкому государству 18 марок подушного налога с себя и 12 марок со своей

жены. Взимался также и собачий налог с числа имевшихся собак. Далее, взимался налог с велосипедов в размере 4-5 марок в год".

О величине денежных налогов показывает военнопленный ТУСК:

"Денежные налоги и сборы с населения были настолько велики, что не было никакой возможности их уплатить теми деньгами, которые крестьяне получали от сдачи государству обязательных норм поставок. Это обстоятельство, в свою очередь, сильно способствовало спекуляции, т.к. крестьянину нужна была денежная наличность для уплаты налогов. Спекуляцию же немецкие власти преследовали и занимавшихся ею крестьян наказывали".

Немцы ввели в Эстонии также целую систему разрешений на помол зерна и на убой скота.

Военнопленный БЕЕРМАН показывает об этом следующее:

"Немцы ввели специальные удостоверения на право помола в 1942 году на зерновые культуры и в 1943 г. на корма. Удостоверения выдавались областным управлением. На одной стороне удостоверения было отмечено количество людей в усадьбе и количество разрешенных к помолу килограммов зерна. В 1943 году немецкие власти разрешили на душу помол в размере 38 кг на квартал. Кормовые разрешались на голову скота 0,5 кг. в сутки".

За помолом немцы осуществляли регулярный контроль. БЕЕРМАН показывает: "На мельницах осуществлялся регулярный контроль, чтобы мельники не превышали разрешенного количества зерна. Как правило, там, где мельница находилась на проезжем месте, мельники боялись нарушить нормы и мололи только положенное законом зерно. В более отдаленных и глухих местах мельники не всегда строго придерживались норм помола.

За право помола взималась определенная денежная плата. Однако, если частным образом крестьянину удавалось договориться с мельником о помоле дополнительного, сверх разрешенной нормы, количества зерна, то за это мельник взимал дополнительную оплату. Т.к. мельницы, работающие на бензо-моторах, из-за недостатка горючего стояли, а многие мельницы из-за острого недостатка в мельничных жерновах так же не работали, то оставшиеся мельницы обычно были перегружены работой и крестьянам приходилось подолгу ожидать очереди".

Кроме удостоверений на право помола, существовали и так наз. "убойные карточки". На этих карточках было обозначено количество скота в усадьбе. Уполномоченный об-ва "мясного экспорта" заносил в эти карточки количество голов скота, а также и делал отметки об убое скота.

Помимо всех указанных обязательств, эстонские крестьяне были обязаны работать и на лесозаготовках.

"Всем трудоспособным мужчинам, не имеющим лошадей, приходилось работать на лесозаготовках из расчета 30 рабочих единиц. /Одна рабочая единица равна 1 кв. метру дров/. Женщинам определялась меньшая норма. Крестьянам, у которых была одна лошадь, назначалось 20 рабочих единиц и, кроме того, на сумму в 20 марок готового пиленого лесоматериала, который подлежало вывезти. Крестьяне, имевшие две лошади, должны были заготовить 10 рабочих единиц леса и вывезти готового лесоматериала на 40 марок. Освобождались от лесозаготовок лишь те хозяйства, в которых была только одна женщина. В случае невыполнения лесозаготовок, власти взимали денежный штраф".

/Из показаний военнопленного ЦЕРТ/.

Немецкие власти всякого рода лживыми обещаниями старались принудить крестьян к уплате норм и налогов.

Военнопленный БЕЕРМАН приводит следующий факт, характеризующий лживые обещания немцев:

"При контроле поземельных книг немецкий чиновник обещал женам мобилизованных в германскую армию крестьян, что в случае уплаты ими норм, их мужей освободят из армий. Естественно, что женщины, направляя последние силы, выполнили все нормы. Однако, конечно, мужья из армий отпущены не были".

Большие трудности в сельском хозяйстве создавало отсутствие рабочих рук в сельском хозяйстве. Об этом показывает военнопленный БЕЕРМАН:

"Рабочих рук было очень мало. Волостное управление регистрировало всех трудоспособных жителей и распределяло их между усадьбами. В те усадьбы, в которых волостное управление считало нужным направить больше рабочих рук, отправляли крестьян из соседних дворов. Кроме того, из городов часто приезжали родственники и знакомые, помогавшие на с.-х. работах. В конце 41г. а также в начале 1942 г. на полях всюду работали советские военнопленные. В/пленные были, однако, в 42г. немцами отправлены в лагеря и в усадьбах осталось лишь очень незначительное количество в/пленных. Во многих волостях, где было эвакуированное население, эвакуированных также заставляли работать в крестьянских хозяйствах".

Дополнительные трудности создавались с молотью. Военнопленный ТУСК показывает:

"Большинство моторов не работало из-за недостатка хилого горючего. Часто применялись трактора, на которых были смонтированы газогенераторы. Трактора